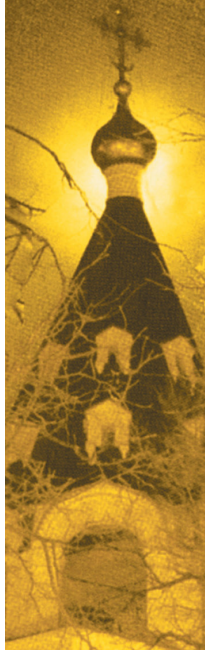

Игорь ЕВСИН

Свет невечерний

стихотворения

Игорь Васильевич Евсин

Свет не вечерний.

Стихотворения

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54033227

Свет не вечерний. Стихотворения. / Евсин И.В.: Зёрна-Слово; Рязань;

2013

ISBN 978-5-905793-01-1

Аннотация

Рязанский поэт Игорь Евсин трудится в русской духовной церковной традиции. Об этом говорит его сборник стихотворений «Свет не вечерний», в котором он воспевает Богом созданный мир и относится к русской природе, как к дарованной нам Божьей милости.

Содержание

«Бог и в былинках... велик»	7
1. Емелины печи	9
Былое...	9
«Люблю я сердце свое слушать...»	12
Покаянная осень	13
«Река...»	15
Глубинка	17
Пятницкие грибы	19
«Лес. Поля. Чего казалось проще?..»	21
Скоро грибная пора	23
«Деревня. Лес. Открой лишь двери...»	25
Емелины печи 2010	27
Семь верст до небес	29
2. Молодой закат	31
«Мне пришла пора отмечтать...»	31
«Все конечно. И все начально...»	33
Негрустное предзимье	34
«Слушай – зимний лес звучит!..»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Игорь Евсин
Свет невечерний.
Стихотворения

И. В. Евсин. Автопортрет

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
(ИС 12-203-0157)

© ООО «Зёрна-Слово», 2013

© И.В. Евсин, 2013

© Рисунки. С. Епифанов

«Бог и в былинках... велик»

Предисловие

Поэт Игорь Евсин принадлежит к поколению, которое следует за Николаем Рубцовым. У него, уроженца дивной рязанской Мещеры, есть литературно-поэтическая связь и с Есениным, но его путь сложился по-иному. Он сначала стихийно и робко, а потом осознанно и упорно воцерковлял свой поэтический талант. У Игоря Евсина нет стремления к декларативности, к повествовательным описаниям — он лирик и всегда идет к своей мысли от частности, от какой-нибудь былинки, говора лесного ручья или даже просто от осенней непогоды...

Самая высокая духовная поэзия всегда вдохновлялась природой. Святитель Иларион (Троицкий), духовный писатель, рассуждал в своем дневнике: «Бывают и в народе чуткие к красоте природы души, но у них к красоте природы отношение не эстетическое, а религиозное: их восхищает красота именно Божьего мира, Божьего создания. Им не нужно красот потрясающих: для них Бог и в былинках на земле велик».

В XIX веке в общем гимне красоте русской природы сливались стихи Тютчева, Майкова, Фета, Полонского и одухотворенные пейзажи, созданные Шишкиным, Васильевым,

Саврасовым, Левитаном. Вместе с ними пела о русской земле музыка Чайковского, Аренского, Лядова, Глазунова. Своим источником русское искусство имело православную Церковь с ее иконописью, архитектурой, хоровым пением.

Потому и воспитывало в русской душе непустой патриотизм (какой часто мы видим ныне), а церковный. Настоящий глубокий патриотизм чад Небесного Иерусалима, эскиз которого видится в полях и лесах Руси с ее деревнями и древними городами, с ее многочисленными храмами и трогающим душу колокольным звоном.

В русской духовной церковной традиции ныне посильно трудится и рязанский поэт Игорь Евсин. Об этом говорит его сборник стихотворений «Свет невечерний», в котором он воспевает Богом созданный мир и относится к русской природе, как к дарованной нам Божьей милости.

*Монах Оптиной пустыни
отец Лазарь,
(в миру Виктор Афанасьев,
член Союза писателей России)*

1. Емелины печи

Былое...

Я проснулся
в отцовской избе.
До восхода
недолго осталось.
В прошлом время,
когда я в себе
От усталости
чувствовал старость.
В доме пахнет
парным молоком,
Просыпается
чувство ребячье.
И рассветно в душе
и легко,
В ней шевелится
нежность телячья.
Рядом кот наш,
Мурзилка, мурчит.
Здесь тепло
даже в жуткую стужу.
Я проснулся
на русской печи,
Отогрел я
продрогшую душу.
Я проснулся.
Восход впереди.
Рад, что больше
не болен я снами,
Что не поезд

меня разбудил —

Это мама гремит чугунами...

«Люблю я сердце свое слушать...»

Люблю я сердце свое слушать,
забыв и друга и жену,
там, где ольха,
словно старушка,
ветвями вяжет тишину.
Там, где цветы растут,
как чудо,
и с поля веет благодать,
среди небесных незабудок
о прошлом легче вспоминать.
И, сердце слушая,
поверить,
что жизнь по-прежнему свежа,
и что ошибки и потери
не вечно мне переживать.
Не вечно мне
и сердце слушать,
забыв и друга и жену,
там где ольха,
словно старушка,
ветвями вяжет тишину...

Покаянная осень

Еще вчера мне освещала
листва блестящие пути,
а нынче осень обнищала,
по ветру золото пустив.

Что ж, осень, нас судьба свела,
Ведь было дело молодое,
Когда на грешные дела
Я тратил время золотое.

Когда при ветренности чувств
Я жил, как дерево под ветром,
Казалось мне: вперед я рвусь,
Хотя на месте был при этом.

Когда надежды, как дожди,
Питали душу полевою,
Казалось мне, что впереди
Не встречу осень я пустую.

А нынче далями маня,
За то, что нам нужна свобода,
По миру, осень, и меня
Пустила русская природа.

...Брожу, как с латаной сумой,
С душой своею обнищавшей.
Прошу надежды золотой,
Любви и веры полной чаши.

«Река...»

Река.

Словно шляпой из фетра
дым принакрыл баржу.

Синею свечкой
от ветра
цветок-колокольчик
держу.

Колокольчик,
что подарила
река моим грубым рукам,
откуда ж тебя прибило
онемевшего к берегам?

Поэзии смысл
теряется,
когда с нее сорван сакрал.
Поэты сами срываются,
кто же тебя сорвал?

Сорвал,
словно синий голос,
певучей травы полей,
и стало то поле голым,
как небо без журавлей.

Но в онемевшем мире
сельного цвета —
чу!
За колокольчик синий
Свечку стихов засвечу...

Глубинка

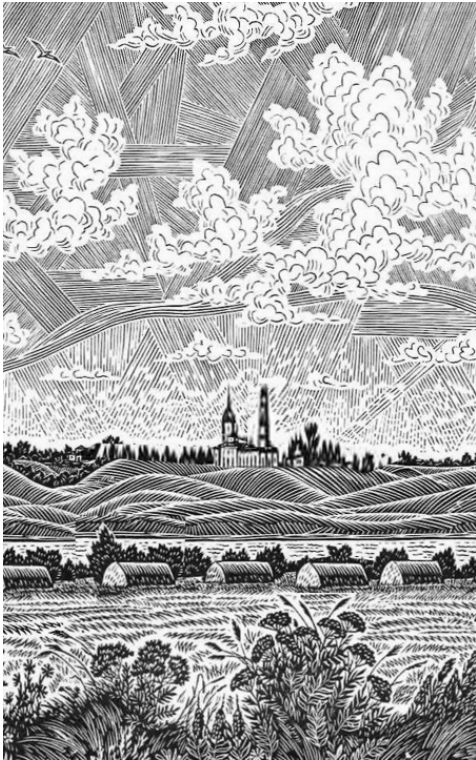
Здесь аукнулась Ока
С голубым протяжным небом!
Не с того ли мне пока
Край глубиннее неведом.

Здесь, в лирических лесах,
Зарифмует эхо звуки
Глубже, чем в глухих листьях
Стихотворческой науки.

Здесь прохладны васильки.
Загорелая пшеница,
Лишь подуют ветерки —
Желтым морем шевелится.

Жизнь у моря хороша,
Только все ж под звонким небом
Глубже хочется дышать
Здесь, где воздух пахнет хлебом,

Где неяркие цветы
Небу дух земли даруют
И цветут, словно целуют
Мир глубокой красоты.

Пятницкие грибы

*Протоиерею
Анатолию Яковину*

У отца Анатолия —
места намоленные.
Говорят, что вроде
у него на огороде
грибы растут там и тут.
Только он им
расти не дает – вовремя рвет.
Потому их и не видно...

Тот, кто любит питаться сытно,
чтоб уменьшить свою
«анатомию»,
пусть приходит к отцу Анатолию
попоститься грибочками солеными,
что глазами глядят удивленными.

– Батюшка, Вы сказали,
что в Рязани грибы с глазами.
А какие у Вас в Пятнице?

– А у нас в Пятнице
грибы на людей пялятся.

А народ говорит,
что вроде
у меня на огороде
белые растут там и тут, —
отвечает отец Анатолий
то ли в шутку, всерьез то ли.

Но я знаю, что вся история
в том, что у отца Анатолия
места намоленные...

«Лес. Поля. Чего казалось проще?..»

*Оставляю среди тебя,
народ смиренный и простой...
(Соф. 3,12)*

Лес. Поля. Чего казалось проще?
Но люблю неброский этот вид,
На холме березовая роща,
Словно церковь белая стоит.

Простота – черта души
славянской
И природы нашей стороны.
Где цветы земли моей рязанской,
Как улыбка матери, нежны.

Человек наш русский не червонцем,
А простым участием дорожит.
Хорошо проснуться
вместе с солнцем,
Чтобы мир согреть теплом души!

Хорошо, что выпало мне видеть
На Руси немеркнувший восход.
Потому на жизнь я не в обиде,
Даже если часто не везет.

Знаю я, что если трудно будет,
Сложная затянет маета,
Мне помогут жить простые люди
И земли простая красота.

Скоро грибная пора

Ирине

А ведь скоро грибная пора.
Ежевика чернеет в бору.
Я уйду раным-рано с утра,
И груздей тебе наберу.

Принесу я охапку слов,
Запах осени и слезы,
И репья на коленях штанов,
И полны сапоги росы.

Я спрошу: «Как тебе спалось?
Затопи добродушную печь».
Подойдешь, скажешь ласково:
«Лось», —
И хвоинки мне снимешь с плеч.

«Дорогая моя. —
Дорогой, —
Скажешь ты головою качнув, —
Что же мы горячились с тобой,
Поругались... Совсем ни к чему...»

Скоро, скоро грибная пора,

Ежевика чернеет в бору.
Я уйду раным-рано с утра
И груздей тебе наберу.

«Деревня. Лес. Открой лишь двери...»

Деревня. Лес. Открой лишь двери.
Я в синих сумерках избы.
Здесь в домовых когда-то верил,
Когда-то я безгрешным был...

В лесу сопливый, как масленок,
Когда-то в прятки я играл,
И налипала от сосенок
К порткам смолистая кора.

А мать ругалась: «Снова стирка,
Ну сколь тебе озоровать?!»
Отец вступался: «Не затыркой
Ты мужика лихого, мать».

Я рос беспечно и счастливо
Когда-то в детстве. А когда?..
Все утекло и отбурлило,
Как будто вешняя вода.

Я нынче в прятки не играю,
Но липнет сор к моей душе.
Когда ж за озорство ругают

Вступиться некому уже.

Остался лес. Куда ж мне деться?

Возьму корзинку, вспомню мать

И, как потерянное детство,

Пойду маслята собирать...

Емелины печи 2010

Пожары. Сгоревшие хаты.
Обугленные сердца...
Емелины самокаты,
Как паровозы с торца.

Черны и глухи его печи,
Но, кажется, слово замолви —
И счастьюшку-счастью навстречу
Помчатся стремительней молний...

А мы на крутом ноутбуке
О них наберем свой сказ.
Но вот – не хватает шуки,
Чтоб печи помчались враз,

Чтоб все воссоздалось до крова,
До смысла и до венца,
И чтоб засветились снова
Обугленные сердца.

И чтоб задымились печи,
Блинами пропах бы дом,
И чтоб засветились свечи
В красном углу святом.

Конечно, отстроятся хаты,
И отболят сердца.
Емелины ж самокаты
Не сдвинутся без Творца...

Семь верст до небес

Семь верст до небес
Нам вчера обещали
И от насущной земли отлучали,
И выросла грусть на душе поневоле,
Как нищая роща в заброшенном поле.

Вчера я, оставив деревню, по ветру
Летел, словно сорванный с дерева лист.
Россия, родящая хлеб и поэтов,
Твой облик печален сегодня и мглист.

На ветках дорог
Стынут избы, как гнезда,
В разрушенных храмах валяется хлам.
Нас не приучили молиться на звезды,
Но нас отучили креститься на храм.

И нас отучили хозяйствовать в поле —
Хлеба и поэты не зреют на нем.
И не с того ли, о Русь, не с того ли
Мы песни чужие сегодня поем...

Семь верст до небес
Нам вчера обещали
И от насущной земли отлучали,

Но все ж у нас есть журавлиная воля —
Опять возвращаться на отчее поле.

Опять заниматься работою тяжелой —
Сорняк истреблять на душе и на поле
И храмы воздвигнуть,
Чтоб стало не страшно
Семь верст до небес
Нам пройти от юдоли.

2. Молодой закат

«Мне пришла пора отмечать...»

Мне пришла пора отмечать.
Даль туманы заволкли.

Вам пришла пора улетать
Журавли мои,
Журавли.

Пусть дороги мои пылят
Сам я, как подорожник в пыли,
Будет чист ваш отлет и свят,
Журавли мои,
Журавли.

Доля грустная – песню спеть,
А потом раствориться вдали.
Но не могут не улететь
Журавли мои,
Журавли...

«Все конечно. И все начально...»

Все конечно. И все начально.
Все стало новым с первым снегом,
Который, падая, венчально
Соединяет землю с небом.

Молюсь. Живу без размышленья
О невозвратном и обратимом.
Ловлю снежинки, как мгновенья,
И каждая неповторима...

Негрустное предзимье

Был я кроток.
Бывал и несносен.
Был подобен каленому клену.
Отпылала, развеялась осень —
Первый снег мою голову тронул.

Ну, так что ж,
Пусть зима наступила.
Первый снег молодит мои чувства,
И в снегу лебединая ива
О листе вспоминает негрустно.

Что грустить —
Первым снегом наряжен
Мир, как горница светел и чист,
И в снегу, как букетик ромашек,
Мне подарена стайка синиц.

Первый снег
Грязь и слякоть засыпал.
Снова новыми стали дороги.
Оттого с беспечальной улыбкой
Я стою у зимы на пороге...

«Слушай – зимний лес звучит!..»

Слушай – зимний лес звучит!

Чист лучистый звон синицы.

На березе снег блестит,

Словно платье на певиче.

Как скрипичные ключи,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.